

НАСЛЕДНИКИ ДРЕВНЕЙ АЛАНИИ

ЧЕМ ЖИВА ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕРА НА ОСЕТИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Северная Осетия — вершина айсберга индоевропейской цивилизации на Кавказе, уходящего в глубины океана истории. Храмы и святилища, наскальные крепости и сторожевые башни, руины древних городов и родовые склепы в горах и ущельях, завораживающих своей красотой, — все это зримые следы исчезнувшей страны, имя которой Алания. По церковному преданию, христианство аланам проповедовали святые апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит, в сонме мучеников раннего Средневековья сияют имена аланских святых. В XVIII веке после присоединения к России православная вера стала связующей нитью двух народов. Сегодня потомки древних алан строят храмы, служат ближнему, занимаясь социальной работой, сохраняют память о пострадавших за веру и ратуют за богослужение на осетинском языке, в чем видят источник духовного просвещения своего народа.

Храмы и люди

В Северной Осетии большинство храмов в постсоветское время строят и восстанавливают по инициативе обычных людей, на частные пожертвования. У каждого из строителей своя судьба, но объединяет их возможность чудесным образом вопреки всем препятствиям находить силы и средства воплощать задуманное в жизнь.

Белоснежный Петропавловский храм села Эльхотово, спроектированный в византийском стиле, привлекает внимание искушенного путешественника необычной колокольней.

— Она у меня долго не получалась, выглядела очень грубой, хотя проект был уже готов, — рассказывает архитектор Юлия Абисалова, невысокая, хрупкая девушка с застенчивой улыбкой. — Тогда я стала листать альбом с памятниками архитектуры и обратила внимание на колокольню храма Рождества Христова в Вифлееме, на ее абрис и пропорции. Она стала отправной точкой. Потом перечитала житие апостолов Петра и Павла, села к компьютеру за чертежи, и неожиданно все легко и быстро получилось.

Юля родилась в Нальчике, закончила архитектурно-строительный факультет Северо-Кавказского горно-металлургического института, вышла замуж и уехала во Владимирскую область. Но вскоре к ней обратились за помощью осетинские друзья братья Дзгоевы и попросили спроектировать храм. «Это моя первая работа в качестве архитектора, и мне кажется, я только для того и окончила институт, чтобы спроектировать этот храм», — говорит Юлия.

Инициатор строительства храма Георгий Дзгоев родился и вырос в Эльхотово. «Отец у меня не был крещен, но всегда говорил нам, детям, что мы — православные», — вспоминает Георгий. Он и сам крестился в зрелом возрасте. На вопрос, почему он взялся за это дело, отвечает, что пришел к вере в тяжелых жизненных обстоятельствах, когда единственной отдушиной и возможностью обрести душевное равновесие стала молитва и богослужения в храме. Однажды во время сердечной беседы с Богом у него блеснула ясная мысль: «Все у тебя обрывается, а ты построишь храм», — и никаких сомнений в душе при этом не возникло. Так и случилось, жизнь наладилась, осталось решить главную задачу.

— Духовник, благословляя меня на строительство, сказал: храм будет строиться, но искушений не оберешься. Так и выходит; иногда думаешь, что нет у меня больше ни сил, ни средств, — еще чуть-чуть, и стройка остановится. И тогда я мысленно обращаюсь к Богу: на все Твоя воля, пусть будет, как Ты хочешь. И душа обретает уверенность, находят силы и благодетели, — делится мой собеседник.

По-настоящему чудесным он считает, что участок под храм достался им бесплатно:

— Половина населения Эльхотово — мусульмане. На удивление, противодействия строительству храма среди жителей села не было. Наоборот, многие выражали поддержку. А когда мы пришли к главе района, то он согласился бесплатно отдать участок земли в ходе первого же разговора, — продолжает Георгий. — Это было удивительно еще и потому, что в нулевые Эльхотово стало одним из центров производства водки и транспортным узлом, откуда она развозилась по всей стране. Почти каждая семья занималась водочным

Аланский Успенский мужской монастырь. С. Хиликус, Куртатинское ущелье (слева)

Петропавловский храм в с. Эльхотово (справа)

*Древний храм
во имя святого
Георгия
Победоносца
в Дзивгисе*

бизнесом, и земля под гараж здесь стоила дороже, чем трехкомнатная квартира во Владикавказе, поэтому свободных участков в селе не было. И вдруг находится аккуратный клочок земли в красивейшем месте — как будто кто его берег свыше.

Храм святых апостолов Петра и Павла был заложен в 2007 году, но прошло еще семь лет, прежде чем началось строительство. Сегодня службы идут в нижнем приделе, освященном в честь святого Николая Туальского, в верхнем продолжают отделочные работы. В Эльхотово никогда не было православной церкви, только мечеть. Медленное строительство храма иерея Бориса Бицоева, его настоятеля, не смущает: «Значит, так Богу угодно. Может, для того, чтобы больше людей смогли тут потрудиться физически и одновременно поработать над своей душой». Главное, храм уже действует, люди собираются на молитву, хотя костяк прихода — это всего 15–20 человек из более чем двенадцатитысячного населения Эльхотово. Ситуацию немного изменила спецоперация на Украине: все больше людей стало приходить на богослужения и заказывать молебны о близких, участвующих в боевых действиях или призванных в армию.

Отец Борис служит в Эльхотово всего четыре года и заметил, что у людей просыпается интерес к Православию, они все чаще ищут встречи с ним, желая потрудиться для храма. До ста пятидесяти человек выросло число участников ежегодного крестного хода с Моздокской иконой Божией Матери (список XIX века, который привозят из Моздока. — *Примеч. авт.*).

— Когда только начинали, люди посмеивались над нами, не понимали, что происходит. А сейчас подходят, помогают икону нести, выводят к ней больных своих родственников, чтобы приложились, и меня это очень радует, — говорит священник.

Два Анатолия

Ярко-синий купол с желтым крестом — храм Святого Духа в станице Змейской, на самой границе с Кабардино-Балкарией, возвышающийся над вытянувшимися вдоль улицы одноэтажными казачьими домами. Его строителя, старейшего прихожанина Анатолия Васильевича Фурсова, все зовут просто дядя Толя. Он немногословен, на вопросы отвечает скупой и только иногда усмехается в усы, слушая, как о нем рассказывает настоятель храма иерей Анатолий Голоднов. Дяде Толе 86 лет, он потом-

ственный казак, родился в Змейской в глубоко верующей семье. Долго преподавал в местном ПТУ механику, потом колесил по стране, а перед самым ее развалом вернулся в родное село с идеей построить храм. Тот, что украшал когда-то станицу, разрушили в 1930-х годах.

Устроившись на кирпичный завод, дядя Толя договорился, что зарплату ему будут платить кирпичами. Землю для храма купили вскладчину всей станицей. Строить помогали друзья, специального проекта не было — снаружи вышел обычный жилой дом, только с куполом, который отдал знакомый настоятель из Пятигорска после замены в своем храме барабана с головкой в ходе капитального ремонта. Заработанного кирпича хватило на фундамент и облицовку пеноблоков, председатель местного колхоза помог с досками и оцинковкой, крыша держалась на железных столбах, роль свай выполняли железнодорожные рельсы. Храм заложили в 1989 году, и с той поры он стал центром дяди-Толиной жизни. Иерея Анатолия Голоднова Анатолий Васильевич помнит еще подростком из нулевых, когда тот приезжал в Змейскую пономарить на день Святого Духа из Ардона.

— Я был в этом храме еще ребенком, — подтверждает отец Анатолий. — Таким он мне и запомнился — весь выбеленный, на иконах занавесочки. Обит внутри покрашенной фанерой. Все скромно, но чистенько. Прихожане — преимущественно пожилые женщины.

Он вспоминает, что недюжинные таланты Анатолия Васильевича Фурсова проявились, когда священника назначили на второй приход в станицу Николаевская. Для восстановления там руинированного храма дядя Толя где-то раздобыл целый самосвал старых кирпичей и сам же их очистил. И еще пожертвовал на утварь 30 тысяч рублей. Слушаю этот рассказ, смотрю на Анатолия Васильевича, скромно сидящего рядом, — невысокого, но жилистого, еще крепкого станичника — и понимаю, что благодаря таким, как он, на Осетинской земле жива сегодня православная вера.

Большинство прихожан Святодуховского храма — осетины, в праздничные дни на службе яблоку негде упасть. Поскольку настоятель — уроженец этих мест, на богослужениях «Царю Небесный», «Святой Боже», Символ

веры, Апостол и Евангелие звучат и на русском, и на осетинском. В праздники читать Апостол и Евангелие приезжает из Ардона давний знакомый отца Анатолия депутат парламента РСО — Алания, зам. председателя Комитета по науке и образованию, культуре и информационной политике Алан Моуравов, который совмещает политическую деятельность с руководством Северо-Кавказским аграрно-технологическим колледжем.

Алан Лазаревич закончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию, затем магистратуру по теологии в Донском государственном техническом университете. Сегодня делом его жизни стало возрождение Ардонской (Александровской) духовной семинарии.

— Без этой духовной школы, которая будет готовить будущих пастырей и педагогов для нашей епархии, нам не возродить богослужение на национальном языке, — убежден Алан Моуравов. Главная задача — воцерковление народа. Слушая богослужение на осетинском языке, верующие будут стремиться вникнуть в его смысл, понять последовательность службы, захотят узнать больше. Возрастет число прихожан, потому что большинство пока не улавливает смысл церковнославянского текста. Люди поймут, что Православие — это их

Иерей Анатолий Голоднов и Анатолий Васильевич Фурсов, строитель храма Святого Духа в станице Змейской

исконная вера, а не привнесенная извне, как убеждают представители так называемой «традиционной» веры. Я считаю, что в долгосрочной перспективе благополучие Республики Осетии — Алании зависит от того, насколько крепко здесь утвердился Православие.

По твердому убеждению и отца Анатолия, и Алана Моуравова, возрождение литургической жизни — первый шаг к восстановлению учебного заведения. Поэтому сейчас их внимание и силы прикованы к реставрации домового Покровского храма в здании Ардонской семинарии. Пока в Ардоне на 20 тысяч человек один действующий храм в честь Георгия Победоносца, а до революции на пять тысяч человек их было три.

Ардонская семинария открылась в 1895 году. Ее окончили многие представители осетинской интеллигенции; среди ректоров и инспекторов духовной школы — священномученики Андроник (Никольский), Никодим (Кротков), Пимен (Белоликов), причисленные к лику святых в 2000 году на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Немало представителей духовенства Владикавказской епархии пострадало за веру в годы советской власти. Сбором информации о них занимается, в частности, Комиссия по канонизации святых.

Стучите, и отворят вам

Два с половиной года назад протоиерею Евгению Поповичу, настоятелю кладбищенского Ильинского храма Владикавказа, поручили возглавить Комиссию по канонизации святых. Никаких документов для начала работы, как, впрочем, и утвержденного Синодальным отделом по канонизации списка аланских святых, не было. Но священник не унывал. Постепенно работа комиссии сложилась в трех направлениях: сбор информации о древних святых*, новомучениках и местночтимой старице Анастасии Владикавказской. И если о древних святых сведения, хотя и по крупницам, но можно было найти в общецерковных святцах и месяцесловах Поместных Церквей, то работу по другим направлениям начинать пришлось с нуля. Понимая, что один не справится, отец Евгений обратился за помощью

к прихожанам, и люди откликнулись. Так на приходе появился «Клуб любителей старины».

Приходские энтузиасты изучили архивы Ставропольских, Владикавказских, Саратовских и Рязанских епархиальных ведомостей, в результате стал собираться архив жизнеописаний репрессированных за веру. Помимо документов о служебной карьере, удалось даже составить перечень школ, где преподавал тот или иной священник, список членов братства с которыми сотрудничал. Правда, сразу обозначились две проблемы. Оказалось очень трудно установить, кто в 1922 году не уклонился вместе с правящим архиереем Владикавказской епархии епископом Макарием (Павловым) в обновленчество. И вторая — архивы ФСБ, по словам отца Евгения, не всегда охотно предоставляют информацию, интересующую комиссию. Но зато откликнулись сотрудники Государственного архива, которые в сложных случаях помогают использовать их ресурсы.

— Я в очередной раз убедился в истинности слов «стучите, и отворят вам», когда к нам как бы случайно приходила информация, найти которую мы и не чаяли, — улыбается отец Евгений.

Фотографию расстрелянного священника Иосифа Батагова ему принес водитель, который однажды вез председателя Комиссии по канонизации святых на конференцию по новомученикам. Парень оказался соседом семьи Батаговых, чьим родственником был отец Иосиф, настоятель Успенского моздокского собора. В другой раз в храм заглянул внук священника Александра Райнова, похороненного на Ильинском кладбище, Юрий Анатольевич (ныне покойный). Так стала известна судьба этого рязанского священника, много потрудившегося до революции на ниве просвещения и имевшего даже царские награды. До отправки в лагерь в Казахстан отец Александр успел побывать и лишенцем, и пораженцем в правах, испытал на себе все тяготы гонений советской власти. После ссылки, по окончании войны, священник приехал к сыну во Владикавказ, устроился сторожем в магазин. Однажды зимой он чинил сломавшийся замок, и ему помог слу-

* В частности, святые мученики-аланы Сухий (Баракад) и его дружина, принявшие мученическую смерть на рубеже I–II вв. в Армении, и прмч. Николай Туальский (XIII в.). А также прп. Христофуд, званный Осетином, философ (XII в.), святой Алан Лаворский (VII в.), святой Гоар Аквитанский (VII в.), святая Мария Ясыня, дочь аланского князя Шварна и супруга князя Всеволода Большое Гнездо, и др.

чайный прохожий, оказавшийся настоятелем Ильинской церкви Владикавказа священником Григорием Гончаровым. Так иерей Александр стал клириком этой церкви. Но в 1948 году он трагически погиб: сбила машина, номера которой и личность шофера установить не удалось. Третьего октября 1991 года Александр Райнов был реабилитирован определением Липецкой областной прокуратуры. Такие священники, как отец Алесандр, по мнению протоиерея Евгения Поповича, достойны канонизации в лике исповедников.

Среди тех, кого комиссия готовит сегодня к прославлению, есть имена убиенных Феофилакты Водолазского, Сергия Лукьянова, Иосифа Батагова, Харитона Багаева и других. Отдельное направление работы комиссии — сбор информации о старице Анастасии Владикавказской. Проблема в том, что, несмотря на ее почитание осетинским народом, не сохранилось никаких документальных свидетельств жизни старицы. К счастью, благодаря работе «Клуба любителей старины» в архивах была найдена статья в местной газете за 1932 год, где подробно описываются похороны матушки Анастасии.

— Большой резонанс вызвала ее смерть, — рассказывает отец Евгений. — Статья доказывает, что старица Анастасия — действительно историческое лицо и она не была в обновленчестве. Установлена точная дата ее смерти — 24 декабря 1932 года. И хотя в социальных сетях есть информация, что ее фамилия Андреева, документально это до сих пор не подтверждено. А почитание было и остается таким, что в 1990-х годах над могилой старицы Анастасии Владикавказской на Ильинском кладбище построили часовню.

История мученичества и страданий в Северной Осетии не закончилась с прекращением гонений на Русскую Православную Церковь. Ей суждено было повториться в самом начале XXI века, когда 1 сентября 2004 года в бесланской школе № 1 террористы захватили в заложники больше тысячи человек — школьников, их родителей, родственников и учителей.

«Место живых»

Каждый год 3 сентября Анета Гадиева, Маргарита Седакова, Марина Пак и другие родители погибших в теракте детей спешат на Божественную литургию в превращенный в мемориал школьный спортзал. В центре его стоит поклонный крест, а о трагических событиях 18-летней давности свидетельствуют фотографии погибших, обуглившиеся доски потолка и шведская стенка, облупленные, исписанные надписями соболезнования стены, море игрушек и живых цветов.

У Марины Пак в захваченной террористами школе погибла дочь; Свете было 12 лет. «Она

Мемориал памяти погибших детей в спортивном зале школы № 1 Беслана (слева)

Икона Самсона Марзоева «Место живых» (справа)

*Пострадавшие
дети и их родители
на празднике
в Богоявленском
женском
монастыре*

всегда молилась утром, — вспоминает Марина, — но обычно стоя. А в тот день, 1 сентября, почему-то встала на колени. И молитва ее длилась намного дольше, чем обычно». Светлана вышла из дома, но через некоторое время вернулась и постучалась в дверь. Мать открыла, дочь молча перекрестила ее и ушла.

— Не могу понять до сих пор, почему она это сделала, — говорит Марина. — А ведь это Света привела меня к Богу, крестилась я благодаря ей. — И рассказывает, что, когда принесла крестить двухлетнюю Свету в храм, священник сказал, что не будет крестить дочь, пока не крестится сама Марина. А потом она в своих молитвах ни о чем другом не просила Бога, как только: «Господи, возьми под Свое крыло мое дитя». — Я хотела, чтобы Он оберегал и помогал моей девочке. А когда все случилось и я узнала, что Светы нет в живых, у меня была такая обида на Бога, что я полгода не могла войти в храм. В голове звучал один вопрос: «Господи, за что это мне?!»

— Когда я с детьми оказалась в захваченном спортзале, мне все казалось, что это сон и мы сейчас проснемся, — вспоминает Анета Гадиева. — Меня поразило, как стойко вели себя наши дети, как они помогали друг другу и взрослым. Никто не паниковал; если плака-

ли, то молча. Помню, как моя дочь Алана (ей было 9 лет) спросила меня: «Мама, тебе чья жизнь дороже — твоя или твоей мамы?» — «Моей мамы». — «И мне твоя жизнь дороже».

На бесланскую трагедию откликнулся весь мир. Правительства многих стран и международные организации оказали беспрецедентную помощь. Люди писали письма поддержки, звонили, приезжали, чтобы лично выразить соболезнование, жертвовали средства. Но с особой теплотой эти женщины говорят о заботе и внимании, которыми их окружил митрополит Ставропольский и Владикавказский Феофан (Ашурков; † 2020).

— Он обошел все больницы, навестив пострадавших, и ни на минуту не оставлял нас одних. Организовывал поездки по святым местам, постоянно говорил, что нам всем надо держаться вместе. Возил на Святую Землю. Благодаря владыке многие тогда приняли Святое Крещение в Иордане. Призывал нас рожать детей или усыновлять. А когда стал архиереем на Казанской кафедре, неоднократно звал к себе, предлагая показать все святыя места Казанской земли, — вспоминает Марина Пак.

Митрополит Феофан горячо поддержал и инициативу создать при содействии Берлинской и Германской епархии Русской За-

рубежной Церкви и Фонда помощи детям (Германия) в только образовавшемся женском аланском Богоявленском монастыре Реабилитационный центр для пострадавших в теракте детей и взрослых, который стал для них вторым домом.

Женщины, потерявшие детей в бесланской трагедии, признавались, что только там к ним пришло какое-то новое осознание этих событий. «Мне очень помогли в монастыре. Я поняла, что если Бога нет, то все бессмысленно. Моя жизнь стала служением памяти наших погибших детей», — говорит Анета Гадиева. А Маргарита Седакова, у которой погибла дочь, считает, что только молитва дает ей силы жить дальше.

— Что вы делали, как удалось приглушить душевную боль, переработать тот внутренний протест по отношению к Богу, который испытывали родители погибших детей? — спрашиваю у игумении Богоявленского женского монастыря Нонны (Багаевой).

— Ничего не надо было делать — просто слушать, жалеть, терпеть, принимать такими, какие они есть, — отвечает она. — Ничто так не работает, как желание любить и разделить чужую боль, как будто она стала твоей. Вернуть детей и тот душевный мир, который был, невозможно. Но мы можем взять на себя хотя бы часть этой боли.

В 2006 году по инициативе Залины Таучеловой, мамы, потерявшей в теракте двоих детей, в бывшем спортзале был установлен и освящен поклонный крест. Его появление — первый шаг к воплощению идеи строительства храма. Проект храма безвозмездно выполнили Елена Токаева и Нина Газзаева. Строительство началось 15 мая 2012 года. Храм возводился полностью на частные пожертвования. Когдаходишь в него (предполагается, что он будет освящен в честь Воскресения Христова), морок, опутавший сердце в спортзале, рассеивается. Здесь очень много света, а роспись, среди которой преобладают пурпур, охра и малахит, наполняет душу покоем и умиротворением. Над проектом росписи храма работал известный иконописец Александр Солдатов.

— Главной была идея отразить не трагедию, а радость Воскресения, — говорит иконописец Самсон Марзоев, написавший ико-

ну «Место живых», посвященную жертвам трагедии. А мысль, что в храме обязательно должны присутствовать лики детей, впервые высказал митрополит Ставропольский Феофан. Самсон признается, что с иконой было не просто: «Когда я закончил лик Спасителя и собрался писать детей, то буквально физически не смог работать дальше. Тогда я взял фотоаппарат и сфотографировал в спортзале портреты всех погибших, вгляделся в каждое лицо, узнал историю каждого человека, и дело понемногу пошло». Работая над иконой, он понимал, что матери хотят видеть на ней своих детей. Об этом говорили и постоянно заглядывающие в храм люди. Каким-то чудом Самсону удалось так написать лики детей, что каждый из родителей находит среди них черты своего погибшего ребенка.

Клубок спутанных ниток

Эстафету социальной работы, начавшуюся во Владикавказской епархии с создания в Богоявленском женском монастыре Реабилитационного центра, подхватил Отдел по социальному служению и благотворительности под руководством клирика Ильинского храма протоиерея Леонида Болтенкова и его правой руки Ольги Анатольевны Ивановой.

Одинокая мама Мария Н. обратилась в социальный отдел епархии, когда ее четырехлетним близнецам был поставлен серьезный диагноз. Вникнув в проблему, зам. руководителя отдела Ольга Иванова предложила помощь в поиске клиники, которая возьмет малышей на лечение. Согласились врачи медицинского центра в Нижнем Новгороде. Все бы ничего, но Мария уехала в Нижний без теплых вещей, и дети простудились. Тогда Ольга договорилась с социальным отделом Нижегородской епархии, и Марию с детьми одели, обули и помогли всем необходимым. Когда малышам провели лечение по основному заболеванию, их состояние значительно улучшилось, но требовались еще реабилитационные мероприятия. Для этого Марии пришлось поехать в Северную столицу. И там тоже свою поддержку молодой маме оказал социальный отдел уже Санкт-Петербургской епархии.

Ситуация, в которой оказалась Мария с детьми, — одна из задач, которые приходится

Мобильный пункт обогрева и питания в Дарьяльском ущелье. С. Верхний Ларс (слева)

Восстановленный храм в честь архангела Михаила. XIX в. С. Верхний Мизур (справа)

решать Ольге Ивановой и ее помощнице Альбине Найфоновой. Большинство их подопечных — многодетные, неполные семьи или с детьми-инвалидами, а также беременные женщины в кризисной ситуации, одинокие престарелые люди. «Продуктовая, материальная, вещевая, медицинская помощь и консультации волонтеров — юристов, психологов и социальных работников» — так написано в сухих строчках отчетов. Но главное скрыто между строк: человеку не просто оказывают помощь, с ним разговаривают, выясняют причины его неблагополучия. Самые сложные случаи отдел берет на социальное сопровождение, когда для каждой семьи детально прописывается алгоритм выхода из кризиса. Сегодня таких семей больше тридцати. Труднее всего, признается Ольга, работать с родителями детей-инвалидов. Тут ей помогают не только полученное образование педагога и социального работника, но и жизненный и духовный опыт.

— Наша цель — сделать так, чтобы люди самостоятельно решали проблемы, пусть сначала и с нашей помощью. Я говорю обычно, что у меня в ящике стола нет волшебной палочки, но я могу подсказать направление, в котором нужно двигаться, чтобы улучшить свою жизнь, — говорит Ольга. — Находясь в кризисе, многие перестают верить в собственные силы и не видят имеющиеся у них ресурсы. Наша задача как специалистов найти внутренние резервы в человеке и помочь ему справиться с бедой. Каждый раз к нам приходят как бы с клубком спутанных ниток, которые мы вместе начинаем распутывать. И всегда большое утешение и счастье, когда наши семьи в резуль-

тате этой работы приходят к вере, понимают, что с Божией помощью все возможно.

Из новых направлений работы социально-го отдела — помощь беженцам Донбасса после начала военной спецоперации на Украине. Большинство из них разместились в трех санаториях Осетии. Ольга Анатольевна съездила в каждый, выяснив, какие нужды испытывают там люди. Стало ясно, что, помимо бытовых вещей и гуманитарной помощи, многим требуется психологическая и духовная поддержка.

— На каждом шагу нам задают вопросы: «Как жить дальше?», «За что это нам?», «Почему мы потеряли свои дома, почему страдаем, за что нас бомбят?» И тут нет ответа ни у кого.

Протоиерей Леонид Болтенков в таких случаях старается перевести разговор в духовную плоскость, приводя в пример Христа, Который безвинно страдал за грехи других людей. Страдания, которые мы в этой жизни испытываем, одному попускаются как искупление личных грехов, другому — как уготованный мученический венец. «В любом случае главное — успокоить, дать надежду жить дальше, чтобы человек почувствовал, что все не так плохо, смотря с чем сравнивать», — говорит священник.

В последние годы на перевале между Северной Осетией и Грузией все чаще стали образовываться многокилометровые пробки из большегрузов со стороны России. Застрявших на границе дальнобойщиков из России, Армении, Турции, Азербайджана, Белоруссии и других стран священники между собой называют «камазистами» (от слова «КамАЗ»). Этой зимой социальный отдел вместе с сотрудниками МЧС в течение двух месяцев организовывал горячее питание «камазистов» в заснеженном Дарьяльском ущелье.

«Батюшка, а зачем вы их кормите бесплатно, дальнобойщики — люди не бедные», — иногда слышит отец Леонид, на что отвечает: «Да, вы правы, но они же оказались в беде, они растеряны, кто-то даже в отчаянии. Едут турки, казахи, туркмены — какая у них память о России останется? Хочется с ними поделиться теплом, просто поговорить, по-человечески поддержать, чтобы у них мысль заронила, что в трудной ситуации к ним пришла помощь Божия».

Материалы подготовил Алексей РЕУТСКИЙ

Фото из архива Владикавказской епархии

Со II в. по Р. Х. в местах расселения сарматских племен, обитавших на Северном Кавказе и в Предкавказских степях, постепенно оформляется самостоятельное территориальное образование Алания, а к VI в. закладываются предпосылки становления аланской государственности. В VIII–IX вв. через земли западных алан (верхние притоки Кубани и Лабь) проходил отрезок Великого шелкового пути, что укрепило связи Алании с Византийской империей. К началу X в. относится крещение правящей династии алан. И хотя имя монарха, принявшего христианство, до нас не дошло, о нем есть свидетельства современников: «Царь аланов — христианин в сердце», — писал арабский географ X в. Ахмад Ибн Русте. Тогда же по инициативе Константинопольского Патриарха Николая Мистика была основана Аланская епархия. Учитывая политическое значение Алании, новая епархия сразу же получила высокий ранг митрополии, заняв в списках кафедр Константинопольского Патриархата 61-е место (сразу после Киевской). В X–XI вв. страну охватило церковное строительство, воплотившееся в десятках монументальных храмов. Стараниями греческих миссионеров — монаха Евфимия (с 912) и архиепископа Петра (914–918), действовавших при поддержке абхазских царей Константина III и Георгия II, христианство активно распространялось среди местных жителей.

В XIV–XV вв. Тамерлан подверг жестокому разорению Аланию, страна перестала существовать как государство, множество людей было истреблено, крепости и селения стерты с лица земли. С потерей государственности в Алании исчезли институт Церкви и письменность. Тем не менее до нас дошли имена аланских митрополитов: Николай (995–998), Климент (1032), Евстратий (?), Иоанн Монастириот (ок. 1105), Георгий (1170–1178), Феодор (1223–1226), Никита (ок. 1285), Лаврентий (1341–1347), Симеон (ок. 1348), Каллист (1363–1365), Феодор Панарет (ок. 1391), Мелетий († 1447). Подпись Пахомия, архиепископа Алании, стоит под эдиктом Константинопольского собора, утвердившего Патриаршество в России (май 1590 г.). В XV в. этнополитическая

карта Северного Кавказа кардинально изменилась. Новые адыго- и тюркоязычные народы переместились в разоренные районы и, отчасти вытеснив алан или смешавшись с ними, принесли свои обычаи и верования, а в XVIII в. приняли мусульманство.

Значительную роль в возрождении Православия среди народов Северного Кавказа сыграли созданная в 1745 г. Осетинская духовная комиссия, которая работала главным образом в Кизляре и Моздоке, и присоединение в 1774 г. Северной Осетии к Российской империи. В 1857 г., после учреждения в 1811 г. Грузинского экзархата Русской Православной Церкви, была введена должность «управляющего осетинскими приходами и причтами и духовно-учебными заведениями во Владикавказском военно-осетинском округе», на которую был назначен преподаватель Тифлисской духовной семинарии архимандрит Иосиф (Чепиговский), впоследствии епископ Владикавказский и Моздокский. Он проповедовал на осетинском языке, составил для приходских школ осетинскую азбуку, написал русско-осетинский словарь, перевел на осетинский язык Священное Писание и вероучительные тексты. Его уважительно называют Апостолом Осетии за вклад в просвещение и духовное возрождение осетинского народа.

В конце XIX в. Русская Православная Церковь взяла на себя инициативу восстановления христианства на территории бывшей Аланской епархии: были открыты Александро-Афонский Зеленчукский мужской монастырь (1889 г.) и Преображенский женский Сентинский монастырь (1896 г.), но просуществовали они недолго, в 1930-х гг. монастыри упразднили. За время советской власти в Северной Осетии были закрыты и разрушены почти все храмы. К середине 1940-х гг., когда разрешили открывать православные приходы, в республике действовала лишь небольшая часовня на кладбище на окраине Владикавказа — нынешняя Ильинская церковь. В настоящее время происходит возрождение уникальных святынь, возникших на десятилетия раньше первых христианских храмов Киевской Руси.